
УДК 316.77; 316.734; 316.472.45; 316.454.52; 81
DOI: 10.31249/hoc/2023.03.11

*Урмина И.А.**

КОНТЕКСТЫ КУЛЬТУРНОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ[©]

Аннотация. Статья посвящена культурологическому анализу процессов информационного обмена между людьми в разных формах современных коммуникаций, от линейных до сетевых, происходящих в реальном и виртуальном окружении. Особое внимание уделено символическим культурным формам и процессам с использованием современных цифровых технологий, когда контекстный смысл общения людей становится двойственным и перестает отражать традиционные ценностные подходы как необходимые регуляторы социальной и культурной жизни.

Ключевые слова: линейные и сетевые коммуникации; виртуальная реальность; контекстная символизация; тексты и гипертексты коммуникаций; «цифровая личность».

Поступила: 04.05.2023

Принята к печати: 10.06.2023

* *Урмина Ирина Александровна* – доктор культурологии, профессор Российской государственного социального университета, Москва, Россия; urminaia@gmail.com

Urmina Irina Aleksandrovna – DSc in Culturology, Professor of the Russian State Social University, Moscow, Russia; urminaia@gmail.com

© Урмина И.А., 2023

Для цитирования: Урмина И.А. Контексты культурной символизации в современных коммуникационных процессах // Вестник культурологии. – 2023. – № 3(106). – С. 174–192. – DOI: 10.31249/hoc/2023.03.11

Urmina I.A.

Contexts of cultural symbolization in modern communication processes

Abstract. The article is devoted to the culturological analysis of the processes of information exchange between people in various forms of modern communications, from linear to network, taking place in real and virtual environments. Special attention is paid to symbolic cultural forms and processes using modern digital technologies, when the contextual meaning of people's communication becomes ambivalent and ceases to reflect traditional value approaches as necessary regulators of people's social and cultural life.

Keywords: linear and network communications; virtual reality; contextual symbolization; texts and hypertexts of communications; “digital personality”.

Received: 04.05.2023

Accepted: 10.06.2023

For quoting: Urmina I.A. Contexts of cultural symbolization in modern communication processes // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 3(106). – P. 174–192. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.11

Введение

Социальная природа потребности в общении заложена в необходимости совместной деятельности людей. С одной стороны, их динамичному общению предназначена информативная функция, направленная на корректировку поведения индивида в социальном окружении по принципу прямой и обратной связи, с другой – функция уподобления и обособления человека в разных условиях индивидуальной и групповой деятельности. Результатом коммуникационных процессов как процессов информационного обмена становятся разделяемые

индивидами представления и их символические объективации, формирующиеся структурно и функционально устойчивые паттерны (образцы) взаимодействия и поведения, ценности, нормы, социальные институты. В этих процессах происходит поддержание и трансляция разделяемого культурного опыта в закрепляющем его знаковом, поведенческом, организационном выражении. Но там же происходит и групповое, и индивидуальное экспериментирование культурными элементами, порождаются, распространяются и становятся фактами культурные изменения [Орлова, 2004, с. 185–186].

Необходимо выделить символический уровень такой социальной коммуникации, когда обмен информацией носит по преимуществу знаковый характер, а знак является лишь «материализованной фигурой знания», функционально замещает реальный объект, репрезентируя другой объект в ходе коммуникации, задавая программу деятельности и поведения его интерпретатору в ходе текстовой деятельности. В единичном акте коммуникации участвует отправитель сообщения, составляющий содержание сообщения из определенного набора знаков, расположенных по известным законам; канал, по которому передается сообщение в пространстве и времени; получатель, принявший сообщение, в знаках идентифицировавший и воспринявший его по аналогии с уже запечатленными в памяти формами, закономерностями и значениями. И эти процессы символизации или семиотизации происходят на основе визуальности, зрительного восприятия, которое обеспечивает человеку свыше 90% всей информации об окружающем внешнем мире. А визуальные формы, которые на протяжении прошлого столетия успешно становились доминантными в массовой культуре, в XXI в. стали базовыми в разных областях познания. При этом современные цифровые визуальные технологии изменили традиционные формы коммуникаций, лишь частично позволяя поддерживать новым поколениям человечества связь с опытом предшествующих. Ключевую роль в этом играет интернет, в основе которого лежат почти безграничные информационные ресурсы и новые электронные технологии, позволяющие находиться в интерактивной прямой коммуникации любому количеству участников коммуникации в удобном для каждого режиме, с возможной почти мгновенной обратной связью, с появлением взаимных параллельных и перекрестных контактов и т.д. По статистике, интернетом как одной из наиболее массовых и

масштабных сетей коммуникации в 2011 г. пользовались 2 млрд человек, в 2012 г. – 2,18 млрд, а в начале 2023 г. ожидается 5,3 млрд человек. По сути, интернет является символом коммуникации неклассического типа, поскольку противоречит общепринятому и субстанциональному тождеству образа и существенного объекта. Но что именно мы символизируем в пространстве этой виртуальной реальности и на каких уровнях?

В начале 1990-х годов сетевое пространство интернета представлялось символом новых информационных технологий, с помощью которых формировалась среда виртуальной гипертекстовой и мультимедийной коммуникации (Web-среда), что ставит интернет в один ряд с такими символами эпох как печатная книга, радио, телевидение, электронные медиа и др. Но сегодня это стало символизировать принципиально новое сетевое пространство виртуальных социальных коммуникаций. И в этом словосочетании базовым является слово «виртуальные». Особенностью всех коммуникаций в виртуальной реальности является отсутствие ограничений этих процессов по времени, а также свободный выбор его режимов (синхронный, диахронный или асинхронный) в зависимости от индивидуальных запросов участников коммуникаций. Все это создает у человека, находящегося в средовом окружении реальной реальности, иллюзию прямого общения и обмена информацией с другими участниками коммуникаций в среде, состоящей из комбинаций симуляционных цифровых образов, создаваемых компьютерными мультимедийными средствами и технологиями. Более того, сами участники коммуникаций – повседневные пользователи интернета – сегодня являются наиболее активными создателями специфического контента UGC (от англ. User Generated Content), становясь не адресатами, а уже адресантами сетевых коммуникаций в сетевом пространстве интернета. Очевидно, что в этих «человеко-творческих» и «человеко-размерных» процессах необходимо разбираться не только с технических и технологических позиций. Рассмотрим более подробно базовые основания и определения.

Символические культурные формы и процессы

Способность к символизации, приданию предметам и явлениям символического значения является, по мнению Л. Уайта [Уайт, 1997,

с. 141–157], уникальным ментальным кумулятивным свойством человека, способствующим появлению культуры, определяющей поведение людей и развитие социальных связей в стабильной системе материального характера (соматический контекст формирования культуры), а также действий, верований и отношений, функционирующих в символическом контексте (экстрасоматический контекст). По Л. Уайту, существует три рода «символов»: идеи и отношения, внешние действия и материальные объекты, в экстрасоматическом контексте все они могут считаться культурой, но сама она не является неким единством, существующим и развивающимся самостоятельно и независимо от людей. Э. Тайлор, в свою очередь, считал, что культура представляет собой ментальный феномен, только идеи, а не материальные объекты или внешние проявления поведения людей [Тайлор, 1989, с. 18]. Очевидно, что общее понятие культуры антропологично, должно учитывать биологические особенности человека, а каждая отдельная культура, культурные вариации во времени и пространстве, процессы культурных изменений отражаются в терминах этой культуры. Но если, как указывал Л. Уайт, культурой являются черты образа жизни отдельного народа, зависящие от способности к символизации и рассмотренные в экстрасоматическом контексте, тогда поведение людей является функцией культуры, а сама культура является константой, т.е. поведение людей переменное. Именно это и установил Э. Сепир [Сепир, 2002], различая поведение человека и культуру и утверждая, что в реальной жизни думает, действует, мечтает и протестует всегда индивид. При этом те его мысли, действия, мечты и протесты, которые в конечном счете влияют на изменение или сохранение совокупности типических реакций, считающихся культурой, можно считать социально значимыми; а другие – индивидуальными, не имеющими исторического и социального значения как отражения общей культуры. В соматическом контексте такие символические действия относятся к проявлениям человеческого поведения индивида, а в экстрасоматическом контексте они формируют и отражают культуру. Л. Уайт представлял культуру как результат организации явлений, видов и норм активной деятельности, материальных предметов (созданных с помощью орудий), идей (веры, знаний) и чувств (установок, ценностей, отношений), отражающихся в символической форме. Общепринятое отношение к формированию культуры с помощью механизма

социальной наследственности стало ошибочным, поскольку символизированные материальные и нематериальные объекты взаимосвязаны друг с другом, а не только с организмом человека, на основе внешних экстрасоматических культурных элементов, функционирующих как стимулы, вызывающие реакцию и сообщающие форму и содержание (что и должна изучать культурология) [Комадорова, 2000, с. 93–104]. По сути, Л. Уайт продолжил линию, начатую Э. Кассирером, который представлял человека символизирующимся животным (*animal symbolicum*) [Кассирер, 2015], и первым развел понятия человеческого поведения и культуры, определив различие предмета исследований в психологии и культурологии.

Обратимся к процессам передачи определенных свойств культуры в рамках информационных обменов между людьми, т.е. к процессам коммуникации. Культурологическая позиция выделяет, в первую очередь, отношения между людьми, происходящие и на уровне коммуникаций, и в рамках взаимодействий, в пространстве символических форм (идеациональных, вещественных, институциональных), которые индивидуально и коллективно наделяются интерсубъективными значениями и смыслами. Именно поэтому Д. Александер [Alexander, 1990] определяет культуру как внутренний жизненный текст, основанный на культурных кодах, моральных универсалиях, символах, смыслах и дискурсах. Эти коды интернализованы, обеспечивают сильные моральные императивы и сохраняются в течение длительных периодов времени. А. Моль утверждает, что культура представляет собой бесчисленное множество сообщений, состоящих из конечного и упорядоченного количества элементов знакового набора, сформированного по определенным законам: орфографии, грамматики, синтаксиса, логики и т.д. [Моль, 2008, с. 47]. Семантические понятия, которые относятся к сообщениям письменной речи, обладают гораздо большей общностью и приложимы ко всем способам физической передачи сообщений. А. Моль указывает, что практически все современные системы культуры используют один или сразу несколько каналов передачи сообщений, которые, несмотря на особенности способов передачи, подчиняются общим законам. Их совокупность и представляет теорию коммуникации, изучающей закономерности, общие для всех актов коммуникации независимо от конкретной природы используемых знаков. В единичном акте коммуникации участвует от-

правитель сообщения, составляющий его содержание из набора знаков, расположенных по известным законам; канал передачи сообщения в пространстве и времени; получатель сообщения, идентифицировавший и воспринявший его в знаковом виде по аналогии с уже запечатленными в памяти формами, закономерностями и значениями. Если в сообщении содержится новый информационный элемент, отличающийся от уже запечатленного в человеческой памяти и не имеющий смысла, то для его восприятия и понимания и получателю, и отправителю необходимо знать и использовать определенный информационный код (в соответствии с принятыми правилами грамматики, синтаксиса, логики, здравого смысла, правдоподобия и т.д.). А это указывает на принадлежность отправителя и получателя к определенному обществу, специфику используемого канала коммуникации, форму сообщения, характер самой информации и другие культурно и социально обособленные факторы.

Знаковые системы, формирующие «языки культуры», носят искусственный и конвенциональный характер, не имея прямой связи с реальностью. Чтобы выполнять функции выделения, интеграции и коммуникации социально значимых фрагментов окружения, эти системы должны соответствовать следующему: наиболее просто репрезентировать реальность, в которой они функционируют, содержать правила комбинирования знаков в воображаемые целостности и правила, запрещающие формировать символические образования, противоречащие «природе вещей». Знаковые системы ограничивают пространство комбинаторики человеческих ощущений и восприятий при освоении природного окружения, с одной стороны, и конвенционально устанавливают пределы символических образований, вне зависимости от фактических состояний и возможностей природного мира – с другой. В этом знаковом пространстве актуализируется случайное, произвольное, свободное комбинирование составляющих его единиц феноменального и непознанного характера. Ж. Деррида раскрыл именно эту особенность знака в коммуникативных процессах – в его концепции различения знак (обозначающее) обращен к тому, что постоянно отсутствует и от чего отличается им обозначаемое. Такой знак (трасса) отражает возникновение опыта и мысли из пересечения следов прошлых переживаний, а не из постоянного присутствия в настоящем [Деррида, 2007].

Представление культуры в качестве знаковой системы трактуется Ю.М. Лотманом так: «Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива правилами. Знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т.д.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла. Следовательно, культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу» [Лотман, 2021, с. 6]. Он утверждает также, что область культуры – всегда область символизма, иллюстрируя знаковость культуры с помощью обычных вещей (хлеб, меч, шпага), имеющих не значение, а употребление, но эти вещи вплетены в систему символического языка эпохи и становятся фактом ее культуры. Выделяя синхронность и диахронность культуры, Ю.М. Лотман указывает, что «...культура всегда, с одной стороны, – определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов» [Лотман, 2021, с. 9]. Но символы культуры редко возникают в ее синхронном срезе, приходя из глубины веков и видоизменяя свое значение, но не теряя памяти о своих предшествовавших смыслах, передаются будущим состояниям культуры. Он также пишет: «Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [Лотман, 1992, с. 192]. На это указывал и С.С. Аверинцев: «От мифа символ унаследовал его социальные и коммуникативные функции, на которые указывает и этимология термина: *σύμβολα* назывались у древних греков подходящие друг к другу по линии облома осколки одной пластинки, складывая которые, опознавали друг друга люди, связанные союзом наследственной дружбы. По символу опознают и понимают друг друга “свой”. В отличие от аллегии, которую может дешифровать и “чужой”, в символе есть теплота спланивающей тайны» [Аверинцев, 2006, с. 387–388]. И далее

С.С. Аверинцев подчеркивает, что смысл символа истолковывается только в ситуации диалогического общения коммуницирующих: «Изучая символ, мы не только разбираем и рассматриваем его как объект, но одновременно позволяем его создателю апеллировать к нам, быть партнером нашей умственной работы» [Аверинцев, 2006, с. 390].

Очевидно, что в культурном опыте человечества значительное место занимает область воображения и фантазии, относящаяся к способности человека порождать абстрактные представления о нереальном, весьма значимые в социокультурной сфере жизнедеятельности людей, даже не являясь культурно репрезентированными в реальности. Примером являются «фигуры» таких абстракций, как «общество» и «культура», так определяется уровень проблемности жизненных ситуаций, осуществляется умозрительный поиск их решений, строятся представления о будущем и т.д. Смысл и значения знаков и символов обусловлены человеческими факторами: историческими и культурными условиями, интересами, психологическими свойствами и др., а также субъективностью процесса познания окружения самим индивидом, которую невозможно преодолеть, но которая искажает истинный смысл, значение и характер объекта. Само знание в этом случае становится относительным, поскольку является интерпретацией, мир не существует отдельно от интерпретатора и интерпретации, и представление о нем реализуется через непрерывную цепь интерпретаций (на это указывали Ж. Бодрийяр [Бодрийяр, 2017], Ж. Делёз и Ф. Гваттари [Делёз, Гваттари, 2010], И. Хассан [Hassan, 1983] и др.).

И. Хассан [Hassan, 1983, р. 27–28] выделяет две современные характерные познавательные тенденции – неопределенность и имманентность, определяющие пространство, в котором формируются отношения человека с окружением. В понятие неопределенности он включает весьма разнородные понятия: двусмысленность, непоследовательность, множественность, плюральность, контингентность, переворот, перверсии, деформация (а в это понятие, соответственно, включает такие понятия как разрушение, дезинтеграция, деконструкция, децентрирование, смещение, различение, разъединение, исчезновение, декомпозиция и др.). Понятием «имманентность» И. Хассан обозначает свойство человека символически строить свои отношения с окружением и умозрительно формировать в сознании собственные абстракции, посредством которых конструировать и изменять свою же

реальность (понятие это, в свою очередь, выражается через такие понятия как диффузия, растворение, взаимодействие, коммуникация, взаимозависимость и т.д.). При этом он указывает на главенствующую роль деконструированности – децентрализованности отношений людей с окружением и отказ от общепризнанных истин в процессе формирования новой познавательной парадигмы. Теоретически нам предлагается жизнь только в децентрированном хаосе и проблемных ситуациях, но практически люди стараются защитить существующую в сознании вполне устойчивую «картину мира» от воспринимаемой хрупкости и сомнительности любого порядка.

Р.А. ЛёВин [LeVine, 2018] указывает на интеграцию рациональных и нерациональных элементов в символических формулах, что отражает консенсус объемного разнообразия значений, принятых в определенном сообществе индивидов, которые являются участниками процессов коммуникации и взаимодействия. Возможность понимания друг друга основана на консенсусе в правилах произношения и грамматики, хотя существуют индивидуальные особенности речи каждого члена этой группы и уровень его грамотности, т.е. соблюдения грамматических правил (в реальной жизни им не следуют буквально, но их избыточное существование отражает процесс функционирования языка как средства социальной коммуникации). Любое человеческое сообщество безопасно функционирует при наличии группового консенсуса о значениях символов, используемых в социальных коммуникациях, но установки и поведение его членов различны в разных ситуациях и обстоятельствах. В социальных коммуникациях это связано не только с упорядоченными коммуникативными условностями, но и с тем, что называют «здоровым смыслом», отличающим представителей разных культурных групп и носящим контекстный характер, скрытый, но важный для социальной практики. На это указывал и К. Гиртц [Гиртц, 2004], считая, что люди стремятся увязать «модель реальности» (models of reality) – описательные утверждения всего существующего, с «моделью для реальности» (models for reality) – нормативными утверждениями о том, что должно быть. В интеграции рациональных и нерациональных элементов в символических формулах и проявляется многоликость культуры. Сосуществование этих двух моделей отражает и следование индивидом глубоко укорененным в обществе ценностям, и процесс его адаптации к конкретной ситуации

жизнедеятельности. Р.А. ЛёВин считает, что в отличие от механизмов адаптации животного мира, направленных только на выживание, человечество использует для этого культурное содержание жизнедеятельности в социальной системе, создавая и безопасное, и благоприятное, комфортное окружение для членов обособленной популяции. В цивилизованном мире индивиды адаптируются не только к физическому и биологическому окружению, но и к окружению социокультурному, которое уже содержит механизмы и способы индивидуального выживания, а также установленные каналы и организованные комплексы правил (эксплицитных и имплицитных), на основании которых члены социальной группы или сообщества соответственно коммуницируют и взаимодействуют. Эти правила не универсальны и не императивны, но признаются в обществе всеми, ограничивая число вариаций моделей коммуникации, верований, ценностей и социального поведения в рамках единой культуры.

Тогда реальное содержание символов становится рационалистическими конструкциями реальности, символизируемое расходится с символизирующим, исчезает «материальность» символа, который остается лишь конвенциональным. «Новые символы не только безразличны символизируемой реальности по своей материальной природе и составу. Они безразличны и самой реальности, образуют свою собственную относительно замкнутую систему, нисколько не воздействуя на процессы жизни» [Ионин, 2004, с. 104]. Современная реальная жизнь в ее полноте и многозначности предлагает символам другое место в процессах коммуникации, снижая их ритуальную значимость и устойчивый смысл непререкаемости. На замену этой устойчивости пришли социальные представления как «общий для членов социума интерактивно воспроизводимый процесс понимания явлений и способ коммуникации по их поводу» [Макаров, 2003, с. 46], возможность превратить «незнакомое в знакомое» [там же]. Примечательно, что этот процесс, по сути, определен контекстом коммуникации, каналами циркуляции этих социальных представлений, их функциональной предназначенностью в процессах коммуникаций и взаимодействия людей друг с другом и с окружением.

Обратимся к процессам осмысления информации в современных коммуникационных процессах глобального диалогического и дискурсного характера (нередко сетевого), в которых культура в знаковом

и символьном виде сообщений неизбежно отражает контекст исторических событий и обстоятельств. В условиях новых технологий сами эти процессы изменили тип общения между людьми, которые, формируя совместное когнитивное пространство, проецируют на него множественные представления о предмете коммуникации. Символы и образы систем ценностей и традиций сегодня меняют свой смысл и значение. В таком «псевдокультурном» поле общения диалог осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. При этом наиболее определенным остается контекст обстоятельств и повторяющихся ситуаций процессов коммуникации и взаимодействия. В этом аспекте и рассмотрим контекстный смысл общения людей.

Современные контексты коммуникационных процессов

Распознавание смысла информации, которой люди обмениваются в процессах коммуникации, является ключевым для восприятия событийного контекста, когда объективируется культурный смысл конкретного события. На это указывал Н. Луман: «Смысл может актуализироваться исключительно лишь событийным образом» [Луман, 2005, с. 15], ведь сами по себе символические формы его не имеют. К контексту общения, который представляет собой объективный смысл сообщения, принятый в культуре коммуникантов, добавляются подтекст (личностный аспект сообщения, включающий эмоции и индивидуальные смыслы) и окончательный текст, имеющий непосредственный смысл, как содержательный результат конкретной коммуникации (по сути, результат взаимодействия контекста и подтекста). В лингвистическое понимание категории контекста включены и такие теоретические модели, как речевой контекст, связанный с социокультурным окружением и когнитивными процессами его освоения; экзистенциальный контекст, отражающий мир объектов, состояний и событий в акте референции; ситуационный контекст, формирующий социокультурное и антропологически ориентированное восприятие окружающей среды бытия человека; акциональный контекст, формирующийся самими речевыми действиями – речевыми актами; психологический контекст, отражающий специфические ментальные и когнитивные качества индивида [Макаров, 2003, с. 95–96].

Поскольку коммуникационные процессы представляют собой знаковый и символический обмен информацией, именно они создают, поддерживают, восстанавливают и трансформируют реальность с помощью вербального и невербального языка. С развитием информационного пространства в процессе совершенствования средств массовой информации происходит нарушение устоявшихся отношений визуального и вербального в общественной жизни в пользу визуального (так называемый визуальный поворот). Феномен виртуальной реальности как логическое продолжение процесса методологической эволюции визуальной коммуникации с помощью медиа, изменяет характер социального и культурного взаимодействия, когда невербальная символическая коммуникация может стать ведущей в понимании смысла сообщения и его запоминания (считается, что около 55% реального линейного общения людей происходит с помощью невербального языка). В современной теории познания «смыслопорождающим устройством» является текст, который может проявляться двойственно, поскольку представляет собой набор графически выраженных слов, одновременно реализуясь в образном «иконическом» пространстве. Это двоение смысла располагается во «взаимно-не-до-конца-переводимых пространствах». Из этой неполноты появляется контекст, имеющий скрытое и никогда не исчезающее противоречие с текстом [Лотман, 1999, с. 157]. Автор статьи предполагает, что именно это и делает реальное общение людей интересным или не интересным друг для друга, поскольку отдельные акты познания других людей могут приниматься или не приниматься как свои собственные. Тогда в линейном общении происходит распознавание (дешифрование, декодирование) и согласование именно контекстов информационных сообщений участников конкретной коммуникации. Но каким становится контекст современного сетевого общения между людьми в виртуальном пространстве интернета?

Н. Луман указывал на появление нового типа средств массовой информации, который он называл символически генерализованными медиакommunikациями [Луман, 2005, с. 204]. Они требуют общий код, состоящий всего из двух противоположных значений, что исключает в общем символическом пространстве существование других. Получается, что и контекст реального общения между людьми заменяется кодированной именно таким образом моделью информацион-

ного сообщения (симулякр, по Ж. Бодрийяру [Бодрийяр, 2017]), смысл которого может быть также симуляционным. Медиапространство начинает замещать собой реальный мир, и реальный опыт человека, через познание превращающийся в истинное знание, становится относительным. Знание либо становится, либо не становится источником опыта, а смысл контекста теряет объективность. Сегодня масс-медиа интенсивно воздействуют на современного человека, меняя его мышление и мировосприятие, стиль общения и даже тип культуры. «Радикальной инновацией, связанной с развитием цифровых электронных способов хранения и передачи данных, является то, что основные компоненты культурного выражения – слова, образы, музыка и т.д. – конвертируются в бинарный код... который может читаться и храниться компьютерами» [Хезмондалш, 2018, с. 328]. С одной стороны, интегрированное воздействие цифровых, компьютерных технологий, телевидения, мультимедиа, интернета создает любому человеку условия для иллюзорной возможности свободной интерпретации продуктов символического производства (ранее требующих критической и эстетической оценки). С другой стороны, это воздействие стало массово влиять на процессы идентификации человека как личности в условиях виртуального мира, трансформируя его ценностные ориентации, ведь «циркуляция информации и управление контентом остались централизованными и иерархически организованными» [Яковлев, 2017, с. 19]. Речь идет об акторах, формирующих символичные контексты массовых коммуникаций в виртуальном пространстве и обладающих необходимыми ресурсами для их практически мгновенного распространения. К современным акторам можно отнести не только официальные структуры, облеченные властью, но и простых пользователей интернета, блогеров, которые транслируют свою интерпретацию контекста события или памяти о нем в социальных сетях (вот она, двойственность смысла текста). Интернет как символ коммуникации позволяет практически безграничному количеству участников виртуального общения в любом удобном режиме получать тексты с такими контекстами, из них формировать свои образные представления, безгранично им верить, считая истинными, и транслировать дальше в сетевых коммуникациях. Эта современная «фабрика символов» отражает новые ценностные подходы, ставшие во многом основными регуляторами социальной и культурной жизни сообществ и обществ.

Заключение

М. Кастельс определяет коммуникацию как «коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией» [Кастельс, 2000, с. 73] и указывает влияние на нее таких факторов, как технология и протоколы коммуникации, личностные характеристики отправителей и получателей информации, в том числе, их культурные коды, а также рамки процесса обмена информацией и коммуникации. Он же указывает на «одновременное объединение всех форм коммуникации в многокомпонентный, интерактивный, цифровой гипертекст, который включает, смешивает и перераспределяет в их разнообразии всю сферу культурных представлений, передаваемых в ходе человеческого взаимодействия» [там же, с. 74].

Современная «цифровая личность», воспринимающая, создающая и передающая в виртуальной реальности свой продукт коммуникационной деятельности, массово использует новые средства передачи сообщения (звук, видео, реплики, символические изображения, лексемы, графемы, мемы и т.д.): «Распространение в молодежной интернет-коммуникации краткой поликодовой формы передачи информации свидетельствует о все большей степени отхода от средств естественного языка и приближении к архаической форме передачи смысловой информации с помощью изображений и звука, что было свойственно людям на заре человеческой цивилизации» [Потапова, Потапов, 2022, с. 16]. Происходит утрата субъектности как информации (за счет ботов), так и знания (за счет его обезличенности – например, в Википедии). Этому сопротивляется коллективный пользователь интернета, формируя модели цифрового этикета, ограничивая анонимность текстов, требуя их авторства, «эффекта присутствия» в коммуникациях и т.д. Но на достоверность контекста информации, отражающего объективный культурный смысл любого текстового сообщения, внимания практически не обращают. Поскольку коммуникация в интернете стала гипертекстовой, именно культурному содержанию контекстов информационных сообщений в Сети, глобально предлагающих симулякры эрзац-знания, необходимо сегодня уделить особое внимание. Массовый характер этого явления ставит перед всем научно-образовательным сообществом проблему, требующую безотлагательного решения.

Список литературы

- Аверинцев С.* София-Логос : словарь / под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. – Киев : Дух и Литера, 2006. – 912 с.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – Москва : Постум, 2017. – 320 с.
- Гирц К.* Интерпретация культур : пер. с англ. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послеслов. Я.И. Свирского ; науч. ред В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. – 895 с.
- Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с фр. Д. Кралечкина. – Москва : Академический проект, 2007. – 495 с.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры : учеб. пособие для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427, [5] с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1-3. – 2-е изд. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 960 с.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения: 02.01.2023)
- Комадорова И.В.* Символическая антропология Лесли А. Уайта // Вестник Моск. ун-та, Философия. – 2000. – № 5. – С. 93–104.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. – Москва : Азбука, 2021. – 832 с.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
- Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 191–199. – 479 с.
- Луман Н.* Медиа коммуникации. – Москва : Логос, 2005. – 280 с.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
- Мамардашвили М.К.* Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с.
- Моль А.* Социодинамика культуры : пер. с фр. / предисл. Б.В. Бирюкова. – Изд. 3-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
- Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология : учебное пособие для вузов. – Москва : Академический Проект, 2004. – 480 с.
- Потапов Р.К., Потапов В.В.* Аддитивная трансформация личности в эпоху цифровой коммуникации // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Отдел языкознания ; отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А. – Москва, 2022. – С. 5–27.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Изд. 2-е. – Москва : Прогресс, 2002. – 656 с.
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. – Москва : Политиздат, 1989. – 576 с.
- Уайт Л.* Наука о культуре / пер. с англ. П.В. Резвых. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – Т. 1 : Интерпретация культуры. – 728 с. – (Антология исследований культуры).

Хезмондалш Д. Культурные индустрии. – 2-е изд. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 456 с. – (Антология исследований культуры).

Яковлев В.Ю. Основания культурных и креативных индустрий как явления современного общества // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 1(26). – С. 14–27.

Alexander J. On the Autonomy of culture. Introduction // Culture and Society: Contemporary Debates / Ed. by J. Alexander and S. Siedman. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1990. – 375 p.

Hassan I. Ideas of cultural change // Innovation/Renovation. New Perspectives on the Humanities / Hassan I., Hassan S. (eds.). – Madison, 1983. – 365 p.

LeVine R.A. Culture, Behavior and Personality. An Introduction to the Comparative Study of Psychosocial Adaptation. – 2nd edition. – New York : Routledge, 2018. – 352 p.

References

Averincev, S. *Sofiya-Logos: Slovar'* [Sofiya-Logos: Dictionary], ed. N.P. Averinceva & K.B. Sigov. Kiev, Duh i Litera Publ., 2006. 912 p. (In Russ.)

Bodriyar, Zh. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and Simulation]. Moscow, Postum Publ., 2017. 320 p. (In Russ.)

Girtc, K. *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures], transl. from Angl. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)

Delyoz, Zh., Gvattari, F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], transl. from Franc. and afterword Ya.I. Svirskij; scientific editing V.Yu. Kuznecov. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 p. (In Russ.)

Derrida, Zh. *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference], transl. from Franc. D. Kralechkin. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2007. 495 p. (In Russ.)

Ionin, L.G. *Sociologiya kul'tury: ucheb. posobie dlya vuzov* [Sociology of Culture: textbook for universities], 4th ed., reprint. and additional. Moscow, Izd. dom GU VShE Publ., 2004. 427, [5] p. (In Russ.)

Kassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form: 2-e izd.: T. 1–3* [Philosophy of Symbolic Forms: 2nd ed.: Vol. 1–3]. Moscow; Saint Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2015. 960 p. (In Russ.)

Kastel's, M. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: economy, society and culture], transl. from Angl. under scientific editing O.I. Shkaratana. Moscow, GU VShE, 2000. – 608 p. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (date of accesse: 02.01.2023). (In Russ.)

Komadorova, I.V. Simvolicheskaya antropologiya Lesli A. Uajta [Symbolic Anthropology by Leslie A. White]. In *Vestnik Mosk. un-ta, 2000. Filosofiya*, no 5, pp. 93–104. (In Russ.)

Lotman, Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture* [Conversations about Russian culture]. Moscow, Azbuka Publ., 2021. 832 p. (In Russ.)

Lotman, Yu.M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 464 p. (In Russ.)

Lotman, Yu.M. *Simvol v sisteme kul'tury* [Symbol in cultural system]. In Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i. T. 1* [Selected articles vol. 1]. Tallinn, 1992, pp 191–199. (479 p.) (In Russ.)

Luman, N. *Media kommunikacii* [Media communications]. Moscow, Logos Publ., 2005. 280 p. (In Russ.)

Makarov, M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of discourse theory]. Moscow, ITDGK Gnozis Publ., 2003. 280 p. (In Russ.)

Mamardashvili, M.K. *Strela poznaniya (nabrosok estestvennoistoricheskoi gnozeologii)* [Arrow of knowledge (sketch of natural history epistemology)]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., 1997. 304 p. (In Russ.)

Mol', A. *Sociodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture], transl. from Franc., Preface by B.V. Biryukov. 3rd edition. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)

Orlova, E.A. *Kul'turnaya (social'naya) antropologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Cultural (social) anthropology: textbook for universities]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Additivnaya transformaciya lichnosti v epohu cifrovoj kommunikacii* [Additive transformation of personality in the era of digital communication]. In *Rechevaya kommunikaciya v setevyh strukturah: mezhdub global'nym i lokal'nym: Sb. nauch. tr.*, RAN. INION. Otdel yazykoznaniya; otv. red. [Speech communication in network structures: between global and local: Sb. nauch. tr. / RAS. INION. Department of Linguistics; ed.] Potapov V.V., Kazak E.A. Moscow INION RAN Publ., 2022, pp. 5–27. (In Russ.)

Sepir, E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii. Izd. 2-e* [Selected works on linguistics and cultural studies. 2nd ed.]. Moscow, Progress Publ., 2002. 656 p. (In Russ.)

Tajlor, E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 576 p. (In Russ.)

Uajt, L. *Nauka o kul'ture* [The science of culture], transl. from Engl. P.V. Rezvyh. In *Antologiya issledovanij kul'tury*. [Anthology of Cultural studies], т. 1. Interpretaciya kul'tury [vol. 1. Interpretation of culture]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997. 728 p. (In Russ.)

Hezmondalsh, D. *Kul'turnye industrii. 2-e izd.* [Cultural industries. 2nd ed.]. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2018. 456 p. (In Russ.)

Yakovlev, V.Yu. *Osnovaniya kul'turnyh i kreativnyh industrij kak yavleniya sovremennogo obshchestva* [The basics of cultural and creative industries as a phenomenon of modern society]. In *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, no 1(26), 2017, pp. 14–27. (In Russ.)

Alexander, J. On the Autonomy of culture. Introduction. In *Culture and Society: Contemporary Debates*, ed. by J. Alexander and S. Siedman. Cambridge, UK. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 375 p.

Hassan, I. Ideas of cultural change. In *Innovation/Renovation. New Perspectives on the Humanities*. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. 365 p.

LeVine, R.A. *Culture, Behavior and Personality. An Introduction to the Comparative Study of Psychosocial Adaptation*. – New York, Routledge Publ.; 2nd edition. 2018. 352 p.